

Памятные плиты Вознесенского собора в Кремле

А.В. Гращенков

Памятные плиты раньше не служили предметом специального изучения. Обычно они упоминаются в работах, посвященных русским мемориальным памятникам. Из дореволюционных исследований следует отметить фундаментальный труд В.И. Саитова и Б.Л. Модзалевского «Московский некрополь»¹. До сих пор это наиболее полный свод мемориальных памятников Москвы. В настоящее время «Московский некрополь» приобрел особую ценность, так как многие из опубликованных в нем памятников погибли. Однако «Московский некрополь» имеет существенные недостатки: эпитафии мемориальных памятников не приводятся или даются в пересказе, отсутствует описание формы, размера, декора, смешаны разные типы памятников, очень неудобен алфавитный порядок, а отсутствие хронологических и топографических указателей крайне затрудняет работу. Полностью эпитафии приводятся в дореволюционных описаниях московских монастырей и храмов.² В советской историографии выделяется свод В.Б. Гиришберга, в котором приведены описания ряда памятных плит и впервые дается их точная формулировка³. К сожалению, в своде В.Б. Гиришберга были опубликованы только памятники до середины XVII в, тогда как предмет нашего исследования относится к более поздней эпохе. Наконец, в последние десятилетия был опубликован ряд статей, в которых наряду с надгробными встречается описание также и памятных плит XVII—XVIII вв.⁴ Однако в них приводятся в основном плиты, принадлежащие к существующим архитектурным памятникам. Это неудивительно, так как в силу своего местонахождения — вделаны в кладку стены — памятные плиты обычно погибли вместе с храмами во время массовых сносов памятников в 1920—30-х гг. Лишь отдельные памятные плиты попали в запасники московских музеев (в частнос-

© А.В. Гращенков

ти, много памятных плит находится в лапидарии музея-заповедника «Коломенское», однако это ценнейшее собрание до сих пор не разобрано). Поэтому можно считать счастливым исключением собрание памятных плит собора Вознесенского монастыря, хранящееся в фондах Музеев Кремля.

Вознесенский собор – главный храм кремлевского Вознесенского девичьего монастыря – был заложен вдовой Дмитрия Донского княгиней Евдокией в 1407 г.⁵ Его строительство было завершено Василием Ермолиным в 1467 г.⁶ В 1519 г. на его месте Алевиз Новый возвел новый кирпичный храм, который в 1588 г. был целиком перестроен⁷. В 1731 г. В.Ф.Салтыков перестроил Успенский придел, примыкавший к северному фасаду храма⁸. С момента основания и до середины XVIII в. Вознесенский собор служил усыпальницей для представительниц великокняжеского и царского рода. Исследованию саркофагов Вознесенского собора был посвящен ряд статей⁹.

Вознесенский монастырь был известной русской обителью. Он был достаточно богат и владел многочисленными земельными угодьями. Даже после введения Екатериной II штатного монастыр-

¹ Саитов В.И., Модзалевский Б.Л. Московский некрополь. Т. 1–3. СПб, 1907–1908.

² Пшеничников А. Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского девичьего монастыря в Москве. М, 1894. С. 26.

³ Гириберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // НЭ. 1960. Т. I. С. 3–77; Т. III. 1962. С. 212–277.

⁴ Николаева Т.В. Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора // Сообщения Загорского историко-художественного музея-заповедника». Вып. 2. Загорск, 1958. Вып. 3. Загорск, 1960; Шилов В.В. Надгробные плиты с надписями из Серпухова // СА. 1979. № 3; Панова Т.Д. Некрополи Московского Кремля. М, 2003

⁵ Пшеничников А. Краткое историческое описание... С. 26.

⁶ Скворцов Н.А. Археология и топография Москвы. М, 1913 С. 143.

⁷ Баталов А.Л. Собор Вознесенского монастыря в Московском Кремле // ПКНО. 1983 г. М., 1985.

⁸ Баталов А.Л. Собор Вознесенского монастыря...

⁹ Панова Т.Д. Волосники из погребений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле // ПКНО – 1986. М.,1987; Панова Т.Д. Три надписи граффити из некрополя церкви Вознесения Московского Кремля // ПКНО – 1989. М., 1990.

ского расписания в обители насчитывалось 70 монахинь¹⁰. После смерти они погребались на монастырском кладбище или внутри Вознесенского собора. Кроме того, Успенский придел монастыря фактически превратился в фамильную усыпальницу Салтыковых, а в его северную стену были вмурованы их памятные плиты. Захоронения в монастыре продолжались до второй половины XVIII в. После эпидемии чумы в Москве в 1771 г., были запрещены захоронения при городских церквях.¹¹ В XIX в. монахини монастыря погребались на московском Ваганьковском кладбище¹². В 1929 г., в связи со строительством в Кремле административного здания, Вознесенский собор был снесен. Перед сносом собора, в августе 1929 г., все саркофаги, надгробные и памятные плиты были вывезены в подвал Архангельского собора (помещение Судной палаты)¹³. Здесь они хранились более 70 лет, а в 1982 г. большинство из них было перевезено в фонд архитектурного декора. В последующие годы плиты были включены в музейный инвентарь и исследованы. Данная работа является первой публикацией, посвященной результатам исследования собрания памятных плит Вознесенского монастыря.

В настоящее время собрание памятных плит Вознесенского монастыря, хранящееся в фонде архитектурного декора, насчитывает 27 экземпляров. Из них 13 принадлежит монахиням и схимонахиням обители, 4 – игуменьям, 4 – Салтыковым, остальные – разным светским лицам. Вероятно, памятные плиты могли ставить только отдельные инокини, отличавшиеся особым благочестием или подвижническим образом жизни (недаром большинство памятных плит принадлежит схимонахиням!). Не последнюю роль здесь играло богатство и знатность родственников усопших, по заказу которых изготавливались памятные плиты. Хронологические рамки собрания довольно обширны: начиная с 1657 г. (плита Пелагеи Карауловой) и кончая 1756 г. (плита Елены Ржевской).

¹⁰ *Пшеничников А.* Краткое историческое описание... С. 128.

¹¹ *Мартынов А.А.* Надгробная летопись Москвы // Русский архив. 1895. С. 279.

¹² *Пшеничников А.А.* Краткое историческое описание Вознесенского монастыря... С. 126.

¹³ Дневники работ по вскрытию, обследованию и перенесению древних гробниц из Вознесенского собора // ОРПГФ. 1928. № 14.

Памятные плиты представляют собой плоские доски квадратной и прямоугольной формы, выполненные из белого камня. Обычно памятные плиты состоят из одного камня. Исключением является плита игуменьи Елены Ржевской, состоящая из двух частей. Вероятно, это произошло потому, что очень большой текст не мог уместиться на заготовке стандартного размера, и ее пришлось надставить.

В отличие от надгробных плит и деталей мемориальных памятников, памятные плиты целиком вделывались в кладку стены храма так, что их лицевая сторона оказывалась на уровне плоскости стены. По свидетельству А. Пшеничникова, у Вознесенского собора «над цоколем вставлены в стенах многие каменные надгробные доски с надписями, относящимися более к XVII и XVIII столетиям»¹⁴.

Памятные плиты помещались не только на внешних стенах храма, но и в интерьере собора (особенно часто около дверей храма). Захоронение делалось непосредственно под памятной плитой, о чем свидетельствует часто повторяющаяся формула «и погребена на сем месте». Вероятно, плита не всегда помещалась над захоронением, иначе не было нужды уточнять место захоронения.

Памятные плиты толще надгробных, что объясняется их помещением в кладку. Лицевая сторона памятных плит гладкая, а тыльная и боковые стороны затесаны более грубо, поскольку они были скрыты в кладке. На боковых сторонах плит отсутствуют какие-либо следы креплений, характерных для торцовых плит соборных надгробий и для некоторых строительных плит (например, для латинской строительной плиты 1491 г. со Спасской башни).

Плиты соборная имеют неодинаковые размеры. Высота плит находится в прямой зависимости от количества строк эпитафии, и колеблется от 3 строк у плиты монахини Ефимии (1706 г.) до 27 строк у плиты игуменьи Елены Ржевской. Основную часть лицевой стороны плит занимает эпитафия, и только края оставались свободными. Некоторое недоумение вызывает плита монахини Польшерии, у которой правая половина оставлена незаполненной. Вероятно, эта часть плиты предназначалась для эпитафии другого лица. Об этом свидетельствует вертикальный валик, отделяющий эпитафию от гладкой половины плиты.

¹⁴ Пшеничников А. Краткое историческое описание... С. 15.

Часть плит собрания не имеет никакого декора, однако у подавляющего большинства памятных плит свободные поля украшались либо профилированной рамкой, либо каймой из растительного орнамента. Кроме того, в навершии плиты обычно помещалось изображение креста с титлами Христа по сторонам (иногда он располагается в середине первой строки эпитафии), а в основании — череп Адама. Очень редко рамка и текст выполнялись в одной плоскости. Обычно фон с текстом либо углублен, либо выступает над уровнем рамки, чтобы выделить плиту на фоне стены собора. С этой же целью некоторые памятные плиты имели одноцветные или полихромные покраски, наиболее пышные образцы покрывались позолотой, однако чаще всего их варварски забеливали в несколько слов вместе со стеной храма, так что текст делался неудобочитаемым (особенно эпитафии, углубленные в камень).

Плиты собрания значительно различаются между собой по внешнему оформлению. Наиболее простой декор имеют 12 плит: схимонахинь Пелагеи Карауловой (1657 г.), Ефросинии Волошиновой (1688 г.), Антонии Опухтиной (1688 г.) (рис. 1), монахини Марии Остафьевой (1695 г.), схимонахини Петраниды (1697 г.), монахини Польшерии (конец XVII в.), схимонахини Феодоры Шмитовой (1700 г.) (рис. 2), монахини Алимпиады Михайловой (1701 г.) (рис. 4), схимонахини Достифеи Стараго-Милюковой (1704 г.), схимонахини Ефимии (1706 г.), монахини Камыниной (1714 г.). Эти плиты обычно небольшого размера и без рамок.

Большую часть лицевой стороны плит занимает текст эпитафии, врезанный в камень. В середине первой строки помещается знак креста, иногда в обрамлении (наиболее сложное обрамление в виде киота имеет плита Милюковой). Неясно назначение квадратной выемки в навершии плиты Опухтиной. Может быть, на этом месте была вставка с изображением креста? Плиты монахинь имеют немногословные, лаконичные эпитафии в несколько строк. Свободными оставлены только гладкие поля. Часто поля по боковым сторонам плит уже, чем в навершии. Любопытно отметить, что у плит Ефимии и Камыниной в основании осталось свободное место, незаполненное текстом. Вероятно, текст резался на заготовках плит, которые выполнялись заранее по стандарту, рассчитанному на более просторную эпитафию. Поэтому для лаконичных эпитафий

монахинь заготовки оказались слишком большими. Поля некоторых плит превратились в простые рамки, благодаря небольшому углублению фона с текстом. Рамка плиты Опухтиной имеет скругление к фону. Более сложную форму имеет обрамление плит Милюковой и Дордуновой: у них по краям расположены две плоские рамочки, причем внутренняя имеет скругление к фону.

Плиты монахинь, как правило, покрыты простыми побелками (иногда в несколько слоев). Исключением является плита Милюковой, у которой обрамление выделено розовым и темно-синим цветом.

Семь плит собрания – Федора Петровича Салтыкова (1697 г.), Февронии Петровны Салтыковой (1700 г.), Анны Михайловны Салтыковой (1702 г.) (рис. 6), игуменьи Евдокии Челищевой (1718 г.), Анны Иевлевны жены Семена Николаевича Дордунова (1722 г.), схимонахини Евстолии Филипповой (1734 г.), полковника Петра Андреевича Безобразова (1736 г.), игуменьи Елены Ржевской (1756 г.) (рис. 10) – выделены богатым обрамлением в виде высокой профилированной рамки, относительно которой фон с текстом углублен. Рамка выполнена в форме узкой или широкой плоской рамки, от которой к тексту спускается профиль (каблучок). Только у трех плит этой группы текст выполнен оброном, у остальных – врезной. Большинство плит этой группы крестов в тексте не имеют (за исключением плит Филипповой и Безобразова). Плиты этой группы выделялись не только обрамлением, но и покраской: так, плиты Салтыковых, Безобразова, игуменьи Ржевской первоначально были позолочены, а плита игуменьи Челищевой – покрашена зеленой краской. К сожалению, первоначальная покраска была в дальнейшем замазана слоями густых побелок. Плиты с профилированными рамками принадлежат к довольно позднему памятникам собрания. Возможно, их форма возникла под влиянием строительных плит, получившим довольно широкое распространение в конце XVII в.

Отдельную группу собрания составляют семь плит, поля которых украшены орнаментом. Простейшим можно считать плоскорельефный орнамент, обрамлявший поля плит со всех четырех сторон. Наиболее архаичным является орнамент плиты супруги протоиерея Благовещенского собора Феофана Феофилактовича (1697 г.). Поля плиты украшены рельефной орнаментальной каймой в виде бегун-

ка со стилизованными пальметками, обращенными в разные стороны. Орнамент этой плиты типичен для XVII в. и в разных вариациях применяется в белокаменной резьбе наличников Теремного дворца, резьбе иконостасов, предметах декоративно-прикладного искусства. С этой резьбой резко контрастирует картуш в навершии плиты, обрамляющий крест. Картуш имеет ярко выраженные барочные формы и выполнен в горельефе, хорошо сочетается с обронным текстом.

Плоскорельефной резьбой украшены и две плиты середины XVIII в.: Зыбиной (1749 г.) и Агриппины Бибиковой (1753 г.). Орнамент этих плит имеет близкие мотивы в виде соединенных друг с другом S-образных завитков и характерен для орнамента барокко. Вызывает недоумение плоский рельеф орнаментальных рамок, что нетипично для середины XVIII в., когда господствовала горельефная резьба. Вероятно, это можно объяснить тем, что мастер стремился сочетать врезной текст с невысоким рельефом.

Среди памятников собрания выделяется группа памятных плит с пышной горельефной резьбой. Сочный рельеф исполнен в виде широких стилизованных листьев с круто завернутыми краями. В этой нарядной лепной раме заключен текст надписи. Из них плиты Анфий Пликерии жены боярина Хитрово (1701 г.) (рис. 5), Агриппины Петровны жены Василия Федоровича Салтыкова (1740 г.) (рис. 7) и Варсонофии Бутурлиной (1709 г.) украшены орнаментом из S-образных изогнутых пышных листьев с волютообразными завитками. У плит Хитрово и Салтыковой плоскости с текстом подняты над фоном плиты и находятся на одном уровне с орнаментом, а у плиты Бутурлиной — текст углублен относительно рамки. От них значительно отличается плита Марии Пашковой (1752 г.), у которой элементы рамки из завитков листьев и бутонов мало связаны друг с другом, а овальная рамка, окаймляющая текст, выполнена в виде гирлянды из листьев удлиненной формы.

Среди памятников собрания особенно выделяются три плиты с горельефной барочной скульптурой, расположенной в навершии плит. На плите Варсонофии Бутурлиной (1709 г.) изображены летящие навстречу друг другу ангелы, которые держат геральдический щит с чистым полем.¹⁵ Скульптуры трактованы в бурной, чисто ба-

рочной динамике. Прекрасная пластика горельефа с достаточно подробной моделировкой деталей хорошо выражает объем пухлых фигур ангелов. Из трех плит эти скульптуры выполнены в самом высоком рельефе. Скульптуры двух других плит – Марии Пашковой (1752 г.) (рис. 9) и игуменьи монастыря Елены Ржевской (1756 г.) (рис. 10) – близки по сюжету: сидящие ангелы, обращенные в разные стороны, держат богатый венец. Горельеф плиты Пашковой выполнен упрощенно, детали тел упрощены и схематизированы, только головы имеют более тщательную моделировку. Ангелы сидят на стеблях, образующих овальную рамку вокруг текста. В отличие от нее, горельефы плиты Ржевской выполнены в прекрасной пластической манере, с тонкой моделировкой деталей, индивидуальной трактовкой ликом. Кроме того, после четвертой строчки эпитафии помещено маленькое полуфигурное изображение ангела с распахнутыми крыльями. Плита Ржевской (рис. 10) хотя и относится к рамочному типу плит, однако горельефное завершение ее выделяет. Также горельеф выделен и особым приемом: его фон украшен неглубокой насечкой из мелких треугольников.

Судя по «Московскому некрополю» существовало еще 14 не дошедших до нас памятных плит. Среди них следует отметить плиту игуменьи Венедикты Даниловны Пушкиной у западных дверей Вознесенского собора (ум. 1730 г.).¹⁶ К сожалению, в «Московском некрополе» ничего не сказано об оформлении памятника: подобно плитам других игумений она могла иметь богатый скульптурный декор.

Надписи плит собрания выполнены полууставом, который господствовал в письме на протяжении XVI–XVII вв.¹⁷ Полуустав XVII в. имел большую простоту, чем в предшествующую эпоху.¹⁸ С введением гражданского алфавита в 1710 г. буквы получили латинизированную форму, их начертание упростилось, а со второй по-

¹⁵ *Гращенко А.В.* Две мемориальные плиты из древних монастырей Московского Кремля // ГММК. Материалы и исследования. Вып. V. Новые атрибуции. М., 1987. С. 117–122

¹⁶ *Саитов В.И., Модзалевский Б.Л.* Московский некрополь. СПб., 1907. Т. 1. С. 193.

¹⁷ *Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1958. С. 361.

¹⁸ *Щепкин В.Н.* Русская палеография. М., 1967. С. 133.

ловины XVIII в. было унифицировано. С начала XVIII в. даты даются не от Сотворения Мира, а от Рождества Христова и с середины века начинают писаться цифрами.¹⁹ Текст эпитафии мог быть врезан вглубь плиты, а мог быть выполнен оброном с выборкой фона между буквами. В основном буквы текста большого размера и с широкими интервалами между ними, что было рассчитано на прочтение с некоторого расстояния.

Тексты памятных плит лаконичны и подчиняются традиционным формулам надгробных плит XVI—XVII вв. Часто в тексте плит указывалось сословное положение или должность мужа усопшей, иногда — должность самой монахини. В начале XVIII в. эпитафии становятся более пространными, в них подробно отмечается весь жизненный путь усопшего. Многословные эпитафии привели к увеличению высоты плит, а с середины XVIII в. — к уменьшению размеров букв, а также интервалов между ними.

Возникает вопрос о происхождении памятных плит. На этот счет имеется две гипотезы. По одной из них, на форму памятных плит оказали влияние керамиды Псково-Печерского монастыря.²⁰ Однако простое сопоставление керамид и памятных плит показывает их различие: у керамид завершение полукруглой формы, они меньше размерами, орнаментальная или профилированная рамка по краям отсутствует, Голгофский крест помещен в сложном обрамлении, в основном выполнялись они из обожженной глины. Следует отметить и иное назначение керамид, которые служили для того, чтобы закрыть ниши с прахом усопших монахов. По мнению В.В. Гиршберга, памятные плиты возникли под влиянием строительных надписей²¹. И действительно, на первый взгляд заметно большое сходство: строительные плиты, как и памятные, вделывались в кладку стены, по форме, размерам и толщине они приближаются к памятным плитам. Однако строительные надписи XVI — начала XVII вв., как правило, не имеют растительного орнамента. Более часто строительные надписи стали применяться в последней четверти XVII в.,

¹⁹ Черепнин Л.В. Русская палеография... С. 476.

²⁰ Ермонская В.В., Попова Т.Ф., Нетунахина Г.Д. Русская мемориальная скульптура. М., 1978.

²¹ Гиршберг В.Б. Материалы для свода надписей... НЭ. Т. III. С. 215.

когда памятные плиты уже были достаточно широко распространены. Поэтому не представляется бесспорным, что именно строительные доски послужили образцом для памятных плит.

Для выяснения причин происхождения памятных плит рассмотрим эволюцию мемориальных памятников в Русском государстве. С XIV в. в Московском княжестве господствующим типом надгробия была белокаменная плита. Плита была прямоугольной или трапециевидной формы и помещалась горизонтально на уровне земли (пола). Первоначально она была без надписи и украшалась геометрическим орнаментом из двух рядов врезных треугольников. Орнамент представлял собой кайму по краям, солярный знак в навершии и в середине. Посередине плиты проходил осевой тяг, к которому сходились дугообразные тяги. С конца XV в. над дугами появляется текст эпитафии.²² В первой половине XVI в. дуги спускаются вниз, а текст выделяется внутренней рамкой из крупных треугольников. С середины XVI в. треугольный орнамент заменяется жгутовым. В первой половине XVII в. господствует жгутовой орнамент, текст надписи увеличивается, в результате чего дуговые тяги спускаются к изножью плиты, а потом и совсем исчезают. Теперь плиту украшают только орнаментальная кайма по краям и верхнее клеймо, а сама плита становится толще.²³ Во второй половине XVII в. жгутовой орнамент заменяется на рельефный растительный.²⁴ В XVII в. появляются памятные плиты-надгробия «в виде прямоугольных или квадратных каменных досок, которые не украшают могилы, как раньше, а чаще всего вделываются в стены церквей»²⁵. Наиболее ранняя памятная плита относится к 1610 г. Это памятная плита князя Меркурия Тимофеевича Трубецкого в Троице-Сергиевой лавре.²⁶ На Руси с XIII в. существовал запрет ставить знак креста на могильных плитах, чтобы не попирать его

²² Ермонская В.В., Попова Т.Ф., Нетунахина Г.Д. Русская мемориальная скульптура... С. 32.

²³ Ермонская В.В., Попова Т.Ф., Нетунахина Г.Д. Русская мемориальная скульптура... С. 35.

²⁴ Гиришберг В.Б. Материалы для свода надписей... НЭ. Т. III. С. 216.

²⁵ Гиришберг В.Б. Материалы для свода надписей... НЭ. Т. I. С. 8.

²⁶ Гиришберг В.Б. Материалы для свода надписей... НЭ. Т. III. С. 111. № 158.

ногами. С перенесением плит на стены храма в их навершии появляется и крест.²⁷ При сравнении видно, что между памятными и поздними надгробными плитами много общего: они близки по толщине, их поля украшает кайма растительного орнамента, в навершии помещено клеймо или знак креста, формулы эпитафий почти идентичны. Таким образом, можно определенно утверждать, что памятные плиты возникли под влиянием надгробных. Любопытно отметить, что многие ранние памятные плиты имеют шестигранную форму.²⁸ Аналогичную форму имеют и торцовые плиты надгробных памятников, расположенные в храмах. Поэтому достаточно убедительной выглядит гипотеза Л.А. Беляева, что памятные плиты возникли путем переноса торцовых плит надгробных памятников на стены храма.²⁹ Пример подобного перенесения можно наблюдать в кремлевском Архангельском соборе, где торцовые плиты надгробий XVI в. казанского царя Александра и казанского царевича Петра вделаны в кладку северо-западного и юго-западного столбов³⁰. Однако близкие аналогии с надгробными плитами позволяют сделать вывод, что декор торцовых плит надгробных памятников также возник под влиянием надгробных плит. Это дает основание заключить, что торцовые плиты были своеобразной промежуточной формой в процессе эволюции от надгробных к памятным плитам. Возможно, русские памятные плиты возникли под влиянием западных мемориальных памятников XVI в., которые часто вделывались в кладку стен европейских храмов, в том числе и польских костелов. Любопытно отметить, что первые памятные плиты появились на Руси в начале XVII в. Это была эпоха сложной и драматичной борьбы с польскими и шведскими завоевателями. Возможно, именно под влиянием польских надгробий и возникли памятные плиты. В последней четверти XVII в. у надгробных плит

²⁷ *Гиришберг В.Б.* Материалы для свода надписей... НЭ. Т. III. С. 38.

²⁸ *Ермонская В.В., Попова Т.Ф., Нетунахина Г.Д.* Русская мемориальная скульптура... С. 38.

²⁹ *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. С. 172–175.

³⁰ *Панова Т.Д.* Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // СА. 1987. № 4. С. 111.

появляется скульптурная лепнина барочных мотивов картуши наверху, фигурки херувимов и др. мотивов в западных вкусах; эта же резьба имела аналогии резных иконостасов русских церквей XVII в.³¹ Тогда же горизонтальные плиты вытесняются настенными памятными плитами квадратной формы.³² С этого времени памятные плиты получают широкое распространение и существуют до 70-х гг. XVIII в.

Памятные плиты конца XVII – начала XVIII в. выделяются богатым и пышным декором. В начале XVIII в. происходит обмирщение облика надгробия, оно приобретает новые черты, несвойственные православному намогильному памятнику; плиты овеяны светским духом, которым наполнилось русское искусство.³³ Орнамент становится разнообразнее и пышнее, плоскую резьбу заменяет горельеф, текстовая композиция подчиняются орнаменту и komponуются вместе с ним.³⁴ Плиты обрамляет скульптурная лепнина, состоящая из листьев, стеблей, завитков волют и других барочных мотивов. Она образует картуш наверху и включает фигуры херувимов и ангелов.³⁵ Излюбленным компонентом мемориального произведения становится фамильный герб, который входит в композицию орнаментального оформления надгробия.³⁶ В середине XVIII в. русское барокко достигает вершины расцвета, в результате усиливается нарастание декоративного начала в мемориальных памятниках: рельеф становится более сложным, обогащается орнаментика, широкое распространение получает мотив гирлянд, в скульптурном обрамлении надгробия преобладают изогнутые листья, раковины, чашечки

³¹ Ермонская В.В., Попова Т.Ф., Нетунахина Г.Д. Русская мемориальная скульптура... С. 39.

³² Ермонская В.В., Попова Т.Ф., Нетунахина Г.Д. Русская мемориальная скульптура... С. 53.

³³ Ермонская В.В., Попова Т.Ф., Нетунахина Г.Д. Русская мемориальная скульптура... С. 52.

³⁴ Ермонская В.В., Попова Т.Ф., Нетунахина Г.Д. Русская мемориальная скульптура... С. 39.

³⁵ Ермонская В.В., Попова Т.Ф., Нетунахина Г.Д. Русская мемориальная скульптура... С. 55.

³⁶ Ермонская В.В., Попова Т.Ф., Нетунахина Г.Д. Русская мемориальная скульптура... С. 56.

цветов.³⁷ Орнамент становится разнообразным и приобретает более пышный характер, со временем появляются торжественные геральдические знаки, эмблемы и целые геральдические композиции, которые «повествуют о знатности рода или высоком общественном положении покойного, о его государственной деятельности, заслугах и пр.»³⁸. Эти плиты – подлинно художественные произведения. В них наблюдается эволюция памятников барокко от первых шагов стиля до его кульминационного периода развития.³⁹ С утверждением классицизма памятные плиты исчезают, а их место занимают новые типы надгробных памятников: жертвенник, обелиск, стела⁴⁰.

Памятные плиты Вознесенского монастыря принадлежали представителям известных боярских, княжеских и дворянских родов. Их предки занимали разные должности в государственной иерархии и оставили заметный след в русской истории. Родоначальник Карауловых Ямгурчей по прозвищу «Караул» выбыл из Золотой Орды в 1480 г., поступил на службу к великому князю и принял крещение. В середине XVI в. его правнуки стали детьми боярскими. Степан Осипович Караулов в 1624–1627 гг. был судьей в Каменном приказе, а его сын Григорий Степанович – думным дьяком в 1667 г.⁴¹

Апухтины ведут род с конца XV в. Служили воеводами, стряпчими, стольниками⁴².

Астафьевы ведут род от новгородских бояр. Афанасий Астафьев был в 1475 г. новгородским посадником. В дальнейшем Асафьевы перешли на службу к московскому князю. Никита Иванович и Кирилл Никифорович Астафьевы участвовали в казанском походе 1544 г.⁴³

³⁷ *Ермонская В.В., Попова Т.Ф., Нетунахина Г.Д.* Русская мемориальная скульптура... С. 52.

³⁸ *Ермонская В.В., Попова Т.Ф., Нетунахина Г.Д.* Русская мемориальная скульптура... С. 53.

³⁹ *Ермонская В.В., Попова Т.Ф., Нетунахина Г.Д.* Русская мемориальная скульптура... С. 58.

⁴⁰ *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. С-Пб., 1895. Т. XIV. С. 464.

⁴¹ *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. С-Пб., 1895. Т. Iа. С. 938.

⁴² *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. II. С. 334.

⁴³ *Русский биографический словарь.* СПб., 1901. С. 327, 333, 335.

Родоначальник Хитрово Эду-хан по прозвищу «Сильно-хитр» в конце XIV в. выехал из Орды и перешел на службу к великому князю рязанскому (после крещения получил имя Андрей). После присоединения в 1520 г. рязанского княжества к Москве, служили воеводами и стольниками. Иван Севастьянович Большой (1624—1697 гг.) был начальником Монастырского приказа и расправной палаты, активно участвовал в подавлении восстания Степана Разина. Софрон Алферьевич Хитрово (умер в 1701 г.) также участвовал в подавлении восстания Разина, а потом служил воеводой в Вятке.⁴⁴

Родоначальник Камыниных Бутандал выехал из Орды при великом князе Василии Ивановиче. Его потомки, верно, служили московским государям. Иван Богданович Камынин, отец Минодоры Камыниной, при царе Алексее Михайловиче был послом в Крыму и воеводой в Симбирске, а при Федоре Алексеевиче — думным дворянином и казначеем⁴⁵.

Род Безобразовых ведет свое начало от Христофора (в крещении Михаил) по прозвищу «Безобраз». В XVI в. его потомки служили воеводами и были детьми боярскими. Три представителя этой фамилии были убиты во время осады Пскова Стефаном Баторием. Истома Осипович Безобразов служил постельничим и был любимцем Бориса Годунова. В XVI в. Безобразовы продолжали занимать высокие должности, в частности Илья Кириллович Безобразов в 1646—67 гг. был воеводой в Астрахани, судьей в Разбойном и Патриаршем приказах⁴⁶.

Родоначальник Бибиковых, мурза Жидимир, около 1300 г. перешел из Орды к Тверскому князю. Его правнук получил прозвище «Бибик». Бибиковы занимали разные высокие должности в XVI в., в частности Иван Филатьевич Бибиков был наместником Рьльским и послом в Крыму в 1592 г. В XVII в. Бибиковы служили стольниками, стряпчими. Алексей Юрьевич Бибиков был генерал-рекемейстером и пользовался особым доверием Петра I. Иван Иванович Бибиков (похоронен в 1745г.) был президентом Камер-коллегии, сенатором, правителем Малороссии.⁴⁷

⁴⁴ Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. СПб., 1873. Т. 1. С. 179—180.

⁴⁵ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1899. Т. IIIа. С. 303.

⁴⁶ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1899. Т. IIIа. С. 660.

⁴⁷ Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга... С. 273—274.

Пашковы ведут родословную от Григория Пашкевича, выехавшего из Польши и перешедшего на службу к Ивану Грозному. Его потомки были дворянами. Дед Марии Пашковой, Иван Еремеевич, служил стольником и участвовал в Крымском походе 1687 г. Отец Марии, Егор (Григорий) Иванович Пашков был денщиком Петра I, а при Петре II – бригадиром и членом Военной коллегии⁴⁸.

Родоначальник Ржевских князь Федор Федорович был выходцем из князей смоленских. В начале XIV в. получил в удел город Ржев. Его потомки стали дворянами. Его сын Родион Федорович Ржевский погиб в Куликовской битве. В дальнейшем Ржевские были воеводами, думными дворянами, послами в Крым и Литву. Иван Иванович Ржевский (умер в 1678 г.) был воеводой в Енисейске и Нежине. Его сын, Алексей Иванович, был окольным, управлял приказом Большой казны⁴⁹.

Род Старого-Милюковых происходит от Семена Милюка, воеводы сторожевого полка, погибшего в Куликовской битве. Один из его внуков основал новый род Старого-Милюковых. В XVII в. многие представители этого рода были стольниками и стряпчими⁵⁰.

Родоначальник Салтыковых Михаил Игнатьевич по прозвищу «Салтык» был праправнуком боярина, отличившегося в Невской битве. Федор Петрович Салтыков был боярином при царевне Софье и служил енисейским комендантом. Федор Петрович был отцом царицы Параскевы Федоровны. Феврония Петровна Салтыкова была сестрой Федора Петровича и теткой царицы Параскевы Федоровны. Муж Агриппины Петровны, Василий Федорович Салтыков (1672–1730) был братом царицы Параскевы Федоровны. Он был действительным тайным советником и московским генерал-губернатором.⁵¹

Памятные плиты – интересные произведения отечественной мемориальной культуры – представляют большой научный интерес, так как содержат сведения из истории, литературы, текстоло-

⁴⁸ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1899. Т. XXVIa. С. 670.

⁴⁹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1899. Т. XIX. С. 319.

⁵⁰ Пшеничников А. Краткое историческое описание... С. 61.

⁵¹ Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга... С. 183.

гии, истокам и развитию русской геральдики и аллегории. Памятные плиты, служат наиболее распространенным и важным эпиграфическим источником эпохи конца XVII – середины XVIII вв., содержащим ряд ценных исторических данных и обширные сведения по генеалогии служилых родов. Исходя из этого, нам кажется, что составление общего свода памятных плит Москвы и Подмоскovie было бы крайне интересно для специалистов. Настоящая работа является первым шагом в этом направлении.

Summary

A.V. Grazhenkov

Memorial Plates of the Ascension Cathedral of Kremlin

The article is dedicated to the memorial plates of the Ascension Cathedral of Kremlin (the end of the XVII – the middle of the XVIII cc.). The attention is mostly paid to the memorial plates that are in the Fund of Architectural Decoration of the museums of Moscow Kremlin. Before that the memorial plates have only been described by researchers along with other monuments of Russian necropolis. This is the first time that these memorial plates have been the main subject of the research. They are systemized according with typology, decoration and chronology. The evolution of Russian headstone monuments is given in the article. The causes of the memorial plates' appearance are defined, and the genealogy of the most prominent ancestors of the departed is recited.